

ЕСЕНИН: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Иван Глебович Коннов родился в 1945 году в селе Ивановке Асекевского района. Служил в армии, окончил Оренбургский педагогический институт. Преподавал русский язык и литературу в школе, работал в партийных органах, в областном киноvideообъединении и администрации области. Член Союза писателей России. Автор нескольких литературоведческих книг и многочисленных газетных и журнальных литературно-краеведческих очерков, лауреат областной Аксаковской премии, премии альманаха «Гостиный Двор» и.м. Валериана Правдухина. Живёт в Оренбурге.

Творчество «златозвучного песнопевца на Руси», как называли Есенина его современники, изучено практически досконально. Ни об одном мастере слова XX века не написано столько исследований, монографий, издано книг, как о самом песенном нашем поэте. Только в моей «Есениниане», которую я собираю со студенческих лет, насчитывается более 150 изданий. Особенно обогатилось есениноведение после столетнего юбилея поэта. В 1995–2000 гг. издано полное (академическое) собрание сочинений Есенина в 7 томах (9 книгах). В 2003–2018 гг. Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН осуществлено уникальное издание — «Летопись жизни и творчества С.А. Есенина» в 5 томах (7 книгах). В 2021 году в свет вышла «Есенинская энциклопедия», подготовленная сотрудниками ИМЛИ им. А.М. Горького РАН и Государственного музея-заповедника

Последнее прижизненное фото
С.А. Есенина. Октябрь 1925 г.

С.А. Есенина. Изданных же с середины 1950-х годов прошлого века и до наших дней сборников с избранными стихами поэта и вовсе не счесть.

Библиографический список книг о жизни и творчестве С.А. Есенина огромен. Подробно описан каждый год и месяц 30-летней жизни поэта. Казалось бы, о нём известно всё, и в его биографии не может быть белых пятен. Но литературная обстановка в новой России такова, что когда в биографии того или иного литератора нет белых пятен, то их надо придумать. Так в конце 1980-х годов, в эпоху горбачёвской гласности (читай: вседозволенности), возник миф об

убийстве Есенина, который стал навязчиво пропагандироваться в книгах, журналах, газетах, по телевидению и радио. Несомненно, это пришлось ко двору тем, кто в то время решал вопрос о дальнейшей судьбе страны, определял, какой ей быть. И пошла, что называется, писать губерния. Есенина повесили, Маяковского застрелили, Блока и Горького отравили... Вот такая у нас, оказывается, была советская власть. Российский телеэкран 1990-х годов заполнили фильмы, направленные на демонизацию работников спецслужб. Иначе как разбойниками с большой дороги их не назовёшь.

Огромный вред истинному представлению о всенародно любимом поэте и его трагедии нанёс телесериал Игоря Зайцева «Есенин» с Сергеем Безруковым в главной роли. В нём образ поэта искажён до неузнаваемости, сплошной вымысел представляют собой сцены расправы над ним в гостиничном номере.

Авторы многочисленных газетных и журнальных публикаций, не принимая официальной версии о самоубийстве Есенина, единодушны: в последние месяцы 1925 года поэт был абсолютно здоров, испытывал небывалый творческий подъём, и у него не было никаких оснований кончать жизнь самоубийством. По их мнению, Есенин стал бессловесной жертвой неких всемогущих «врагов», которые давно преследовали его и в конце концов распра-

Есенин. РУ

С. А. Есенин в кругу родных и близких. Слева направо: В. Ф. Наседкин, сёстры Катя и Шура, А. М. Сахаров, С. А. Толстая. Москва. Октябрь 1925 г.

вились с ним. И произошло это в огромной, полностью заселённой гостинице, где крепкий, сильный молодой человек позволил себя убить, не сопротивляясь, не позвав никого на помощь. Можно ли этому верить?

Приводимые авторами новой версии доказательства не всегда серьёзны, они во многом рассчитаны на сенсацию. Например, автор книги «Тайна гибели Есенина» Э. Хлысталов не скрывал, что желание утвердить версию убийства появилось у него после первого знакомства с посмертными фотографиями поэта, когда он не знал ни литературных источников, ни результатов судебно-медицинской экспертизы (да и узнал ли вообще?). Другие авторы тоже находились под

властью версии об убийстве и все свои рассуждения направляли на обоснование и подтверждение этой точки зрения. Отсюда тенденциозный подбор мемуарных источников и не всегда авторитетных авторов.

Для выяснения подробностей последних лет жизни Есенина, обстоятельств его трагической гибели необходимо обратиться к воспоминаниям очевидцев, написанным по свежим следам в последние дни 1925-го и в начале 1926 года. Многие из них были опубликованы в трёх сборниках памяти поэта, другие печатались в газетах и журналах. Впоследствии свидетельства целого ряда современников Есенина были забыты, поскольку их авторы попали под колесо репрессий. Вышедший

в 1986 году двухтомник «С.А. Есенин в воспоминаниях современников» был подвергнут основательному «редактированию» и не дал никакого представления о тяжёлом морально-психологическом состоянии поэта в последние месяцы жизни. Наиболее правдивые воспоминания о поэте не вошли в сборник, а от некоторых из них, как в случае с воспоминаниями Г. Бениславской, остались «рожки да ножки». Так была подготовлена благодатная почва для всевозможных легенд и мифов о Есенине.

Только с середины 1990-х годов усилиями ведущего есениноведа страны, доктора филологических наук Н.И. Шубниковой-Гусевой и других учёных

воспоминания, письма, другие свидетельства современников Есенина стали публиковаться без изъятий и купюр. К таким работам относятся четырёхтомник «Сергей Есенин в стихах и жизни» (1997), «Есенин глазами женщин» (2006), «Русское зарубежье о Есенине» (2007), «Сергей Есенин и Галина Бениславская» (2008) и, наконец, вышедшее в свет пятитомное издание «Летопись жизни и творчества С.А. Есенина».

Приверженцы версии убийства поэта, как до них, впрочем, и представители официального литературоведения, начиная с 1950–1960-х годов, за редким исключением полностью проигнорировали медицинскую сто-

Клиника нервных болезней 1-го Московского университета, где с 26 ноября по 21 декабря 1925 года лечился С.А. Есенин

рону проблемы, связанную с болезнями поэта. Между тем, по многим воспоминаниям — Василия Наседкина, Галины Серебряковой, Николая Асеева, Анны Берзинь, Всеволода Рождественского, Юрия Либединского, Владимира Кириллова, Владимира Чернявского и других — достаточно хорошо известно, что нервная система поэта к 1925 году оказалась вконец расшатанной, он то и дело срывался, плакал на людях, потерял голос, а с потерей голоса лишился возможности читать свои стихи публично, часто твердил о скорой своей смерти.

Владимир Кириллов, хорошо знавший поэта, отмечал, что, начиная с середины 1924 года, Есенин «заметно увядал физически. Лицо его, прежде светлое и жизнерадостное, подёрнулось мглистыми, пепельными тенями. Голос потерял свою первоначальную чистоту и звонкость, стал хриплым и заглушённым. Как-то по-новому глядели немного выцветшие глаза. Он стал производить впечатление человека, опалённого каким-то губительным внутренним огнём». А за несколько недель до смерти Есенин пожаловался ему: «Я устал, очень устал, я конченный человек... Милый мой, я душой устал, понимаешь, душой... у меня в душе пусто...»

В ноябре 1925 года друзья поэта, его близкие, обеспокоенные состоянием поэта, убеждают его в необходимости лечь в больницу. Есенин всячески противился этому, потому что лечиться ему

следовало в неврологической клинике; в других медучреждениях его болезни не лечились. Пришлось, что называется, переступить через себя, тем более в клинике можно было укрыться от судебного разбирательства в связи с сентябрьским инцидентом в поезде Баку — Москва. Этот инцидент грозил поэту обвинением в антисемитизме, который в те годы строжайше преследовался законом.

Друзья, посещавшие Есенина в клинике, отмечали улучшение его внешнего вида и общего состояния. Как писал в воспоминаниях Василий Наседкин, «Есенин внешне окреп, пополнел, голос посвежел». Анна Берзинь, навестившая поэта 20 декабря, нашла, что выглядит он прекрасно. Но её радужное настроение развеял лечащий врач, который сообщил ей, что Есенин болен неизлечимо и надежд на его выздоровление практически нет. Более того, поэт недолговечен, он обречён.

Мрачный докторский прогноз мог ещё ранее стать известным Есенину и повлиять на его решение досрочно покинуть клинику. Ради чего страдать, если конец всё равно предопределён? А он назло всем поедет в Ленинград, бросит пить, начнёт новую жизнь. Вдруг получится?

Этим мечтам поэта не суждено было сбыться. Покинув 21 декабря больницу, он, к сожалению, вернулся к прежнему образу жизни. Последние три дня его пребывания в Москве

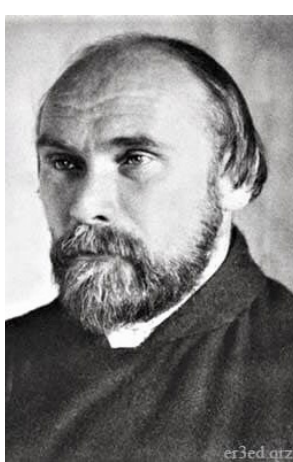
прошли для него, можно сказать, в пьяном бреду и оставили у его друзей и родных самое тягостное впечатление. Приведём свидетельство постороннего, но очень внимательного наблюдателя — Владимира Маяковского: «Последняя встреча с ним произвела на меня тяжёлое и большое впечатление. Я встретил у кассы Госиздата ринувшегося ко мне человека с опухшим лицом, со свороченным галстуком, с шапкой, случайно держащейся, уцепившись за русую прядь. От него и двух его тёмных (для меня, во всяком случае) спутников несло спиртным перегаром. Я буквально с трудом узнал Есенина. С трудом увильнул от немедленного требования пить, подкрепляемого помахиванием густыми червонцами. Я весь день возвращался к его тяжёлому виду и вечером, разумеется, долго говорил... с товарищами, что надо как-то за Есенина взяться. Те и я ругали «среду» и разошлись с убеждением, что за Есениным смотрят его друзья — есенинцы. Оказалось не так. Конец Есенина огорчил, огорчил обыкновенно, по-человечески».

Как только в клинике стало известно, что поэт скрылся, на его поиски отправились врачи. Их беготня по родным и знакомым поэта, телефонные звонки сделали своё дело. Как вспоминал Юрий Либединский, по городу шли слухи, что профессор Ганнушкин, сообщая о бегстве поэта из клиники, «сделал его близким грозное предупрежде-

ние: не имея формальных оснований дольше задерживать Есенина в больнице, он должен обратить их внимание на то, что припадки меланхолии, ему свойственные, могут кончиться самоубийством».

К сожалению, родные, знакомые, наконец, друзья поэта, которых Маяковский назвал «есенинцами», ничего не сделали, чтобы отвести беду от самого близкого им человека, за счёт денег и славы которого жили не один год. Никому их них не пришло в голову выехать в Ленинград (пусть не рядом с поэтом, потому что ему везде чудились преследователи) и находиться там поблизости, чтобы не допустить рокового развития событий. Нет, они безучастно наблюдали за тем, как Есенин решал свои последние земные дела, как собирал в дорогу «бранные пожитки». Конечно, остановить его уже было нельзя, но что-то предпринять для его спасения всё же можно было. Ведь в Ленинграде, в отличие от Москвы, у Есенина не было таких близких людей, а те, кто его хорошо знали и приятельствовали с ним, не вполне были осведомлены о его состоянии.

24 декабря Есенин прибыл в Ленинград и поселился в пятом номере гостиницы «Англетер». Это был тот самый номер, в котором в начале февраля 1922 года они останавливались с Айседорой Дункан. Тогда в номере было холодно, не грели трубы, и Есенин с администратором

Свидетели последних дней жизни Есенина.

Писатель, журналист Георгий Устинов. Поэт Николай Клюев. Поэт Вольф Эрлих

Ильёй Шнейдером попеременно взбирались на письменный стол и, как рассказывал Шнейдер, щупали рукой верхушку труб отопления, спускавшихся по стене. Внизу они были совершенно холодными. Это к тому, что высота номера, вопреки утверждениям авторов новой версии — об убийстве поэта, не достигала пяти метров, а составляла около 3,5 метров. Кстати, гостиница «Англетер», согласно архивным данным, органам ОГПУ не подчинялась, никто там ловушки поэту не устраивал.

В гостинице Есенин встретился со старыми знакомыми — супругами Устиновыми, которым, вместе с Эрлихом, Клюевым, художником Мансуровым, журналистом Ушаковым и немногими другими, суждено было стать свидетелями последних четырёх дней жизни поэта.

Наиболее близким Есенину был Николай Клюев, считавшийся его учителем. Он не оставил воспоминаний о Есенине, о своей последней встрече с ним, но написанный им в 1927 году «Плач о Есенине» рассеивает всякие сомнения по поводу самоубийства поэта. Красноречиво уже само начало «Плача»:

*Помяни, чёртушко, Есенина
Кутьёй из углей да омылков
банных!*

Помянуть покойного Клюев просит не Господа, а самого нечистого, потому что по христианскому обычаю самоубийство считается тяжким грехом. К роковому вечеру в «Англетере» Клюев возвращался не однажды. 28 мая 1927 года издатель В.С. Мирлобов в своей записной книжке оставил такую

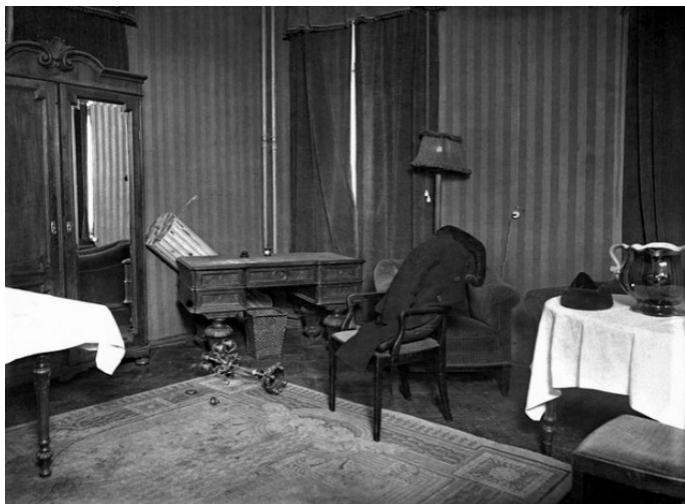
Тело Есенина, извлечённое из петли.
Фото М. Нашельбаума

запись: «Был в Царском — Детском Селе. Разумник рассказывал, как Есенин за 2 часа до самоубийства просил приведённого им к себе Клюева остаться у него ночевать хоть одну эту

ночь. Клюев отказался и ушёл, и Есенин покончил с собой... Всё это... рассказал ему сам Клюев: "Я у него не остался, но целую ночь молился за него"».

Отказался ночевать у Есенина и Вольф Эрлих, сославшись на занятость. Его не насторожило и то, что днём Есенин положил ему в карман кровью написанное стихотворение, да ещё со словами: «Это тебе. Я ещё тебе не писал ведь? Правда... и ты мне тоже не писал». Как утверждал Эрлих, стихи он прочёл только после смерти автора. Дескать, замотался и начисто забыл.

По этому поводу есениновед Алла Марченко задалась вопросом: «Каким же нужно обладать равнодушным и чёрствым сердцем, чтобы даже не поинтересоваться, что же такое особенное хотел сказать Есенин, если ему для этого пришлось писать кровью?»

Обстановка пятого номера гостиницы «Англетер» утром 28 декабря 1925 года

*До свиданья, друг мой, без руки,
без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

У Георгия Устинова тоже не нашлось времени, чтобы поинтересоваться, как коротал вечер Есенин. Здесь уместно привести отзыв о нём соратника Есенина по имажинизму Ивана Грузинова: «В гостинице «Англетер», где умер Серёжа, жил ещё Георгий Устинов. Он был близок с нами со всеми. Видный партиец, он занимал те или иные литературные посты... Сергей стучался к нему перед тем, как повеситься. Георгия Устинова не оказалось дома. Если бы завязалась беседа, не завязалась бы петля...»

Свидетелем последних дней жизни Есенина был и художник Павел Мансуров, тоже хорошо знавший поэта. Вот как он обрисовал встречу с Есениным в «Англетере»: «Был праздник — не то второй, не то третий день Рождества. Была мокрая погода. Снег падал хлопьями. Жена Устинова не оставалась долго. Ушла к себе этажом выше. Половой ничего, кроме сороковки водки, из-за праздника достать не мог. И вот мы шестеро выпили по малюсенькой рюмочке... Тихо и в разговорах опять сидели за неизменным пустым чаем.

...Потом Есенин читал свои стихи... каждому из нас прочитал по стихотворению, на память... А Эрлиху он дал уже раньше написанное на клочке

бумаги со словами: «Ты сегодня этого не читай, прочти завтра». И сунул ему в карманчик пиджака...

Все разошлись. Мы остались втроём: Есенин, Клюев и я. В окне, напротив, чернел Исаакиевский собор. Мокрые хлопья снега попадали на окно и плыли вниз. Это была страшная петербургская ночь. Всё было им решено. Ещё когда мы за день перед этой ночью выходили на Морскую и шли посередине улицы, то торцовая мостовая была покрыта мокрым снегом и лужами. Навстречу нам, также по мостовой, шла женщина с маленьким мальчиком, и когда они поравнялись с нами, то мальчик, в страхе смотря на Есенина, начал кричать, а женщина ему говорит — миленький, что с тобой, и они прошли мимо, а Есенин в своих лаковых башмаках шёл безразлично по лужам».

Далее Мансуров подробно изложил обстоятельства самоубийства поэта, в чём он ни на минуту не сомневался. С покойным Есениным он провёл в морге последнюю ночь с 28 на 29 декабря, сделал зарисовку (этюд маслом на холсте в 1928 году был приобретён музеем Есенина). В 1926 году в Государственном институте художественной культуры (ГИНХУКе) Мансуров создал мемориал Сергею Есенину, сочетающий фотографии поэта с реальным крестьянским костюмом, кусочками коры и раскрашенными досками.

Его свидетельство очень важно для нас, так как оно при-

надлежит эмигранту-невозвращенцу. Его трудно причислить к «агентам ОГПУ», к которым мифотворцы отнесли почти всех, кто общался с Есениным в Ленинграде. С 1928 года Мансуров жил в Италии. В 1972 году к нему обратилась О.И. Ресневич-Синьорелли, переводчица, внёсшая большой вклад в распространение русской культуры за рубежом. Она поинтересовалась у Павла Андреевича последней встречей с Есениным и получила от него подробное письмо. Если бы он располагал хоть какими-либо сведениями, противоречащими официальной версии гибели поэта, то не упустил бы возможности рассказать о них. Кстати, никто из эмигрантов — писателей, других деятелей культуры, хорошо знавших Есенина и не испытывавших симпатий к советской власти, — не усомнился в его самоубийстве. Напротив, они были уверены, что смерть Есенина — неизбежный и вполне закономерный итог его печальной жизни.

Документально установлено, что ни Эрлих, ни Устинов, ни тем более Мансуров не были сотрудниками ОГПУ-НКВД и никакого заговора против Есенина не замыслили. Им просто не хватило чисто человеческих качеств — милосердия, внимания, проницательности, чтобы вникнуть в состояние надломленного жизнью поэта и уберечь его от гибельного шага. Они наверняка знали, что в последнее время Есенин панически боялся

одиночества. Как написала Галина Бениславская, «не останься он один той ночью, он мог бы её прожить и выбраться из омота. Через 1-2 года перебесился бы, успокоился, простившись с молодостью, как-то перебродив за эти 1-2 года, мог бы найти другие ценности в жизни».

Увы, этого не случилось. Оставшись в одиночестве, поэт, видимо, принял окончательное решение уйти из жизни. Он стал перебирать и рвать свои бумаги, затем начал лихорадочно искать в чемодане бритву. По воспоминаниям Е. Устиновой, В. Эрлих ещё днём забрал все острые предметы, находившиеся в номере, но в чемодане, вполне возможно, находилась безопасная бритва «Жиллетт», о которой говорили многие мемуаристы. Такой бритвой, видимо, и были нанесены трёхсантиметровые порезы на руках, как было отмечено в акте. Они, конечно, не могли привести к смерти. Поняв это, Есенин начал искать верёвку. Она тоже была не на виду. После того как чемодан был развязан, её куда-то сунули. Вот почему утром в номере обнаружили беспорядок: раскрытый чемодан, разбросанные вещи, обрывки рукописей, окурки на полу. Какой же самоубийца будет думать о чистоте в помещении?

Судя по всему, поэт поставил в левом переднем углу стол, на него тумбу и, встав на неё, зацепил верёвку за изгиб тонкой трубы отопления у самого потолка (высота его — 3,5 метра — вполне позво-

Мать Есенина Татьяна Фёдоровна с дочерью Александрой

Дети Есенина — Татьяна и Константин. В центре внучка поэта Марина.

ляла это сделать). Есенин не сделал петли, он замотал себе шею верёвкой так же, как заматывал её шарфом. Затем оттолкнул из-под ног установленную им опору. В какое-то последнее мгновение поэт пытался освободиться от душившей его петли, поэтому поднятая правая рука его застыла. Возможно, пальцы руки попали между трубой и стеной, поэтому рука после смерти не опустилась. Повиснув, уже безжизненный, Есенин прижался лицом к горячей трубе отопления, отчего на лбу, над переносицей, образовалась вдавленная борозда.

При просмотре посмертных фотографий Есенина поэтесса Н. Сидорина обнаружила, что под правой бровью, ближе к внутреннему её краю, расположена «чёрная, абсолютно круглая дыра», похожая на «след пули». Но ведь если бы в поэта стреляли, да ещё с близкого расстояния, что было бы с его черепом в затылочной части? Повреждён был бы череп и при ударе канделябром по лбу. Между тем в акте судебно-медицинского обследования прямо сказано: кости черепа целы.

Дочь Есенина Татьяна Сергеевна в книге «Дом на Новинском бульваре» напрочь отвергает версию убийства. Говоря о фотографии, где на лбу у покойного большое тёмное пятно, которое воспринимают как след от удара, разможившего череп, она пишет: «Склоняясь над гробом вместе с матерью, я не видела следов ранения, лоб был чистый. Никог-

да не слышала, чтобы взрослые их видели. Авторы статей не сочли нужным задаться вопросом, как же могло получиться, что страшный след от раны — большое тёмное пятно не замечено ни родными, ни друзьями, ни многими сотнями людей в Москве и Ленинграде, видевшими вблизи лицо покойного поэта».

Родители Есенина хорошо знали о тяжёлой болезни сына, частично наследственной, и для них его преждевременная смерть вряд ли была неожиданностью. Вот что писал Александр Никитич Есенин своему сыну 18 октября 1925 года, то есть за два месяца до трагедии в «Англетере»: «Милый Серёжа! Слезно прошу тебя, брось ты этот злой напиток, всего его никогда не выпьешь, и займись собой..., и я вполне уверен, если ты не будешь пить и будешь лечиться, то ты поборешь свою болезнь, а если ты не кончишь пить, то ты скоро отправишься к праотцам, тогда и нам придётся скитаться и влачить свою жизнь под чужими окнами. Если б ты сам себя видел в пьяном виде и посмотрел бы на себя, что ты творишь и что с тобой делается, то ты заплакал бы сам на себя, поэтому прошу тебя, ради Бога, брось ты этот дурной напиток...»

Известно, что мать Есенина позаботилась об отпевании покойного сына в церкви. Мифотворцы используют этот факт как доказательство убийства поэта, ведь самоубийц православная церковь не отпевает. Однако знаменитый российский юрист А.Ф.

Прощание с С.А. Есениным в Москве. Среди присутствующих: В. Маяковский, З. Райх, В. Мейерхольд, В. Наседкин, мать и сёстры поэта, С.Толстая, А. Мариенгоф, В. Иванов.

Траурное шествие у памятника А.С. Пушкину.
Гроб поэта обнесли вокруг монумента 3 раза.

Кони, подробно исследовавший вопрос о самоубийстве, отмечал, что по Уложению о наказаниях 1845, 1857, 1866 и 1885 годов лишение христианского погребения самоубийцы было безусловным, однако оно не применялось «к лишившим себя жизни в безумии, сумасшествии или в беспамятстве от болезненных припадков». Общеизвестно, что Сергей Есенин лежал в психоневрологической клинике, и в Ленинград он приехал, не закончив курса лечения. Поэтому никаких сложностей с его отпеванием у родных не было.

По словам Аллы Марченко, «литературный Ленинград... простился с Есениным второпях и небрежно, как если бы из жизни ушёл бездомный литератор средней руки: жалкий оркестр, де-

журные речи официальных лиц, реденькая толпа зевак. Но пока траурный спецвагон добирался до столицы, Россия опомнилась и осознала непоправимость утраты. В день похорон на улицу вышла вся Москва». На Доме печати висел транспарант «Тело великого русского национального поэта Есенина покоится здесь». Толпы людей пришли на Ваганьковское кладбище. Под плач и крики «прощай, Серёжа!» гроб опустили в могилу. На насыпном холме воздвигли простой деревянный крест. «Мы его хоронили под немолчный плач весны, — писал в своих воспоминаниях Вадим Шершеневич. — А на другой день после похорон сразу ударил мороз. Весне было больше нечего делать».

Использованная литература

- Белоусов В. Сергей Есенин. Литературная хроника. М., 1969.
- Жизнь Есенина. Рассказывают современники. М., 1988.
- Карпов Е. С.А. Есенин. Библиографический справочник. М., 1972.
- Куняев С. Николай Клюев (ЖЗЛ). М., 2014.
- Куняев Ст., Куняев С. Сергей Есенин (ЖЗЛ). М., 2015.
- Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. Тт. 1–5. М., 2003–2013.
- Литературная жизнь России 1920-х годов. В 2-х тт. М., 2005.
- Марченко А. Сергей Есенин. Русская душа. М., 2005.
- Минувшее. Альманах (письмо П. Мансурова к О.И. Синьорелли). М., СПб. № 8. С.171–174.
- Прилепин З. Есенин. Обещая встречу впереди. М., 2020.
- Русское зарубежье о Сергее Есенине. М., 2007.
- С.А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х тт. М., 1986.
- Сергей Есенин в стихах и жизни. В 4-х тт. М., 1997.
- Сергей Есенин. Исследования. Мемуары. Выступления. М., 1967.
- Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии. М., 2003.
- Шнейдер И. Встречи с Есениным. М., 1974.